

Клайв Стейплз
ЛЬЮИС

Чудо

PHILOSOPHY

Клайв Стейплз Льюис

Чудо (сборник)

Серия «Философия – Neoclassic»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42661061

Чудо: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-114397-8

Аннотация

Клайв Стейплз Льюис (1898–1963) – известный британский философ, теолог, филолог и историк литературы. Однако истинно широкоую славу принесло ему писательство – ведь именно этот строгий преподаватель Оксфорда и Кембриджа стал одним из самых выдающихся англоязычных писателей XX века, перу которого, среди прочего, принадлежит легендарный цикл «Хроники Нарнии», суммарный тираж которого превысил 100 миллионов экземпляров.

Что такое «чудо» – вмешательство в естественный ход вещей неких сверхъестественных сил? Почему даже в современном христианстве отношение к чудесам носит столь сложный и неоднозначный характер? И так ли уж разительно отличается идеалистическая картина мира от реалистичной?

Помимо эссе «Чудо», занимающего в религиозно-философском наследии Льюиса особое место, в сборник также вошел ряд других работ, характеризующих круг

интеллектуальных интересов этого незаурядного мыслителя, – философских, публицистических и литературно-критических.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Чудо[1]	6
I. Об этой книге	7
II. Природовер и его противник	10
III. Главная сложность природоверия	17
IV. Природа и внеприродное	32
V. Другая сложность природоверия	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Клайв Стейплз Льюис

Чудо

Clive Staples Lewis

MIRACLES AND OTHER ESSAYS

© C.S. Lewis Pte Ltd., 1944, 1947, 1958

© Перевод. Н.Л. Трауберг, наследники, 2019

© Перевод. Е.М. Доброхотова-Майкова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Чудо¹

Сесилу и Дафне Харвуд

*Среди холмов метеорит
лежит, затянутый травой.
Источит дождь, избородит,
и ветер выветрит его.
Так заберет в себя Земля
пришельца дальнего в свой час,
и пепел звездного огня
так станет кем-нибудь из нас.
А что тут странного, когда
приют блуждающим светилам – Земля? Ведь и сама она
была космической пылью.
Она с небес спустилась вниз,
сойдя с одной из тех комет,
что мимо Солнца пронеслись,
приняв его огонь и свет.
И если капли все кропят
сухой суглинок – что ж такого?
Они как жизнь тому назад —
потоки ливня золотого.*

¹ Перевод Н. Трауберг

I. Об этой книге

Кто хочет преуспеть, должен верно ставить предварительные вопросы.

Аристотель. Метафизика, II (III) 1

За всю мою жизнь я встретил только одного человека, который говорил, что видел привидение. Интересно тут то, что он (точнее – она) как не верил, так и не верит в бессмертие души. Она считает, что ей померещилось или у нее что-то с нервами. Наверное, так оно и есть. Видеть – одно, верить – другое.

Именно поэтому опыт не скажет нам, бывают ли чудеса. Все то вокруг нас, что называется чудом, воспринимают органы наших чувств – мы видим, слышим, ощущаем, обоняем, чувствуем на вкус, а чувства эти могут ошибаться. Если случилось что-то сверхъестественное, мы не всегда вправе считать, что пали жертвой иллюзии. Если вы придерживаетесь философии, исключаящей чудеса, вы непременно так и скажете. Мы выносим из опыта то, что нам позволит наша философия; и потому бессмысленно к нему апеллировать, пока мы не решили философских вопросов.

Еще меньше может нам дать история. Многим кажется, что мы установим, бывали чудеса или нет, изучая свидетельства «по законам исторического исследования». Но мы и законов этих не установим, пока не решим, возможны ли чу-

деса, а если возможны, насколько вероятны. Если они невозможны, никакие свидетельства не убедят нас. Если они возможны, но чрезвычайно мало вероятны, нас убедит лишь математически доказанное свидетельство. История таких свидетельств не дает. Если же чудеса возможны, свидетельства вполне могут убедить нас, что многие из них бывали. Итак, история тоже зависит от философии, которой мы придерживались до того, как обратились к источникам. И здесь сперва надо поставить философский вопрос.

Вот пример того, что бывает, когда мы, минуя философию, обращаемся к истории. В одном популярном комментарии к Библии вы найдете споры о том, когда написано четвертое Евангелие. Автор полагает, что оно написано после казни Петра, потому что Христос эту казнь предсказывает; а книга «не может быть написана до событий, о которых в ней говорится». Не может, конечно, если предсказаний не бывает. Если же они бывают, довод этот нелеп. Но автор даже не поставил такого вопроса. Он считает несомненным (пусть подсознательно), что их нет. Возможно, он прав; однако не история помогла ему это открыть. Он просто привнес свое неверие в исторический труд. Тем самым, труд его совершенно бесполезен для тех, кому нужно знать, *бывают ли* предсказания.

Я задумал эту книгу как введение к историческому исследованию. Сам я не историк и не стану исследовать свидетельства о христианских чудесах; но я хотел бы подготовить к

этому читателя. Бессмысленно обращаться к текстам, пока мы ничего не думаем о возможности и вероятности чудес. Те, кто в чудеса не верит, тратят зря время, глядя в тексты, — можно сказать заранее, что они там найдут.

II. Природовер и его противник

– Быть не может! – воскликнула м-сс Снип. – Неужели где-то живут на земле?

– Я лично не слышал, чтобы где-нибудь жили под землей, – отвечал Том, – пока не попал в Страну Великанов.

*– Попали в Страну Великанов? – удивилась м-сс Снип. – А разве не всюду Страна Великанов?
Роланд Квиз. Страна Великанов, гл. XXXII*

Под *чудом* я понимаю вмешательство в природу внеприродной, т. е. сверхъестественной, силы². Если, кроме природы, нет ничего, чудо невозможно. Многие так и думают; их я назову природоверами. Другие полагают, что природа – еще не все. Первый наш вопрос – кто из них прав. Тут и возникает первая трудность.

Прежде чем начать спор, нужно определить, конечно, что такое природа. К несчастью, определить это почти невозможно. Природоверы считают, что, кроме природы, ничего нет, и потому слово «природа» означает для них «все», «все на свете», «все, что есть». Если мы понимаем под природой это – конечно, ничего другого нет; вопрос остается непостав-

² Многие теологи определяют чудо иначе. Я не собираюсь поправлять их; я просто беру простое, «обычное» понимание чуда, ибо так будет проще говорить о том, о чем, наверное, и думает «обычный» читатель, когда он берет книгу о чудесах.

ленным, и спорить не о чем. Другие понимают под природой то, что мы воспринимаем нашими чувствами; но и этого мало, ибо мы не воспринимаем чувствами эмоций, а они, без сомнения, природны.

Чтобы избежать этой западни и решить, о чем же спорят на деле природовер и его противник, попробуем подойти к вопросу кружным путем. Синонимом «природного» признаем слово «естественный».

Рассмотрим пять фраз.

1. В естественном своем виде собака полна блох.
2. Будь поестественней, что ты ломаешься!
3. Здесь все так естественно, трава, цветы, ни асфальта, ни рельсов.
4. Это у вас естественный цвет волос?
5. Не надо бы мне ее целовать, но это было так естественно.

Общее значение обнаружить нетрудно. Естественный цвет – тот, который возник сам по себе, без краски. Собака – в естественном виде, пока ее никто не выкупал. Место, где растут трава и цветы, не тронуту никем. Естественное поведение и естественный поцелуй – такие, какие нам свойственны, если не вмешается нравственность или осторожность.

Итак, «естественное», «природное» – то, что происходит само по себе; то, над чем не надо трудиться; то, что бывает, если мы ничего не делаем. Греческое слово для природы, «physis», связано с глаголом «расти»; латинское «natura» – с

глаголом «рождаться». Естественное, природное возникает и существует *само собой* – оно дано, оно есть, оно спонтанно, непреднамеренно.

Природовер полагает, что последняя реальность, факт фактов – огромный пространственно-временной процесс, который *идет сам по себе*. Всякое событие внутри этой системы обусловлено другим событием и в конечном счете всем процессом. Всякий предмет (скажем, эта страница) таков, каков он есть, потому что другие предметы – такие, какие они есть; в конечном счете – потому, что такова вся система. Все предметы и события тесно связаны друг с другом, ничто не существует «само по себе», ничто не идет «само собой». Например, ни один последовательный природовер не может признать свободу воли, ибо при ней люди способны поступать независимо, вносить что-то от себя. А именно это природовер отрицает. Спонтанность, своеобразие, выдумка предоставлены лишь «всему вместе», и называется это природой.

Противники природоверов вполне согласны, что должно быть что-то самостоятельное, какая-то основная данность, которую нелепо объяснять, ибо она сама – точка отсчета, основа всех объяснений. Но они не называют ее «всем» или «всем на свете». Они считают, что вне этой системы (или, если хотите, сверх нее) есть нечто, а вероятней – Некто, вызвавший ее к существованию. Он существует Сам по себе, она же существует благодаря Ему. Она исчезнет, если Он

(или Оно) перестанет поддерживать ее существование; она изменится, если Он (или Оно) изменит ее.

Можно сказать, что природовер описывает реальность как демократ, противник его – как монархист. Природовер считает, что честь и право самостоятельного существования присущи множеству вещей; противник его – что они принадлежат лишь немногим вещам, а скорее всего – Одной. Как в демократии все равны, так для природовера все предметы и факты одинаково ценны, т. е. каждый в той же степени зависит от другого, каждый единственно возможным способом являет себя во времени и пространстве. Противник природовера считает, что некие вещи (скорее всего – Одна) находятся на другом уровне и важнее всех прочих.

Вы можете заподозрить, что сторонники такого взгляда просто привнесли в мироздание строй монархических обществ. С таким же успехом можно заподозрить и природоверов. Оба подозрения перекроют друг друга и не помогут нам решить, кто прав. Верно лишь одно: природоверие распространилось в века демократии, а другая точка зрения, верна она или нет, пользовалась повсеместным признанием в века монархической власти. Сейчас те, кто не мыслит сам, – природоверы; тогда они верили во внеприродное.

Нечего и говорить, что «внеприродное» – то, что мы называем Богом или богами. Впредь я буду говорить лишь о тех, кто верит в Бога, – отчасти потому, что пантеизм не так уж актуален для большинства читателей, отчасти же потому,

что пантеисты очень редко считали своих богов создателями мироздания. Античные боги не были внеприродными в строгом смысле слова; они входили в систему вещей и порождались ею. Отсюда вытекает немаловажное уточнение.

Природоверие не исключает веру в Бога. Определенный бог ему не противопоказан. Сложнейшая система, называемая природой, могла бы породить огромное космическое сознание, проистекающее из природного, как (по их мнению) проистекает из него и человеческая мысль. Этот бог природоверу не помешает, потому что он внутри, а не вне природы, не «сам по себе». Природа как была, так и остается «всем на свете». А вот Бога, стоящего вне природы и создавшего ее, природовер не примет.

Теперь мы можем точнее определить разницу между природовером и его противником. Дело не только в разном толковании слова «природа». Природовер считает, что некий процесс существует сам по себе, сам собой в пространстве и времени и ничего другого нет, а то, что мы называем отдельными вещами и событиями, только части, на которые мы его разделяем, или формы, которые он принимает в тот или иной момент, в том или ином месте. Эту единственную, всеобъемлющую реальность он и зовет природой. Противник же его считает, что только Бог существует сам собой; Он создал рамку времени и пространства и вписанное в нее следование взаимосвязанных событий. Рамки эти и то, что в них, он называет природой. Заметьте, он не утверждает, что

Первоначало больше ничего не создало. Возможно, есть и другие природы кроме нашей.

В этом смысле слова может быть несколько или много природ. Не надо путать это с так называемой множественностью миров, т. е. с представлением о том, что в пространстве и времени существует множество вселенных вроде островов. Как бы ни были они далеки, они входят в ту же самую природу, что и наше Солнце; они находятся с ней в пространственных, временных да и причинных отношениях. Именно эта взаимная связь внутри системы и создает то, что мы называем природой. Другие природы могут вообще не знать пространства и времени, или их пространство и время никак не связаны с нашими. Именно это отсутствие связи и позволяет нам называть их разными природами. Связь у них есть, но совсем иная: они произошли от одного внеприродного Начала. Их можно уподобить разным книгам одного и того же писателя. Связь между Пиквиком и мисс Гэмп – лишь в разуме Диккенса; так и здесь – обычно одна природа связана с другой только через Творца. Я говорю «обычно», так как мы не знаем, не соприкасаются ли иногда разные природы. Возможно, Бог разрешает каким-то событиям одной воздействовать на другую. Тогда они частично пересекутся, но единой природой не станут, ибо все равно не будет полной связи, а эта, неполная, возникла не из той или другой системы, но из Божественного акта, столкнувшего их. Если это бывает, каждая природа внеприродна, сверхъестественна для

другой; но сам факт их взаимопроникновения внеприроден в ином, более точном смысле. И чудеса тогда возможны двух видов: вторжение другой природы и вторжение Творца.

Все это – чистые домыслы. Наличие внеприродного еще ничего не говорит о возможности чудес. Бог, Начало начал, может и не вторгаться в Свое творение; а если их несколько, может и не сталкивать их.

Об этом мы поговорим позже. Пока скажу одно: если мы решим, что природа – не все, мы не можем знать, застрахована ли она от чудес. Есть что-то вне ее; но мы еще не знаем, проникает оно в нее или нет. Если же правы природоверы, можно сразу сказать, что чудес не бывает – ничто не проникнет в природу, ведь и проникать нечему. Тогда все то, что мы по неведению принимаем за чудо, – просто события, неизбежно вытекающие из характера всей системы.

Итак, первый выбор – между природоверием и верой во внеприродное.

III. Главная сложность природоверия

Приходится выбирать; и не будем смеяться над ограниченностью логики...

А. Э. Ричардс. Основания литературной критики, гл.

25

Если истина за природоверием, любой предмет и любое событие можно в принципе объяснить, не выходя за пределы системы. Я говорю «в принципе», потому что никто не требует, чтобы природоверы сейчас же объяснили все. Конечно, многое объяснят тогда, когда позволят науки. Однако мы вправе ждать, что когда-нибудь все объяснится. Если хоть что-нибудь так объяснить невозможно, природоверию конец. Если по ходу рассуждений придется допустить, что хоть что-нибудь, хоть в какой-то степени существует само по себе – требует самостоятельности, а не только выражает свойства системы, – мы изменим природоверию, ибо под ним мы понимаем учение о том, что в мире существует лишь одна система, где все связано между собой. Будь оно так, любое событие обуславливалось бы этим – скажем, вы не могли бы не читать сейчас эту книгу и, наоборот, вы ее читаете только потому, что вся система в таком-то месте, в такое-то время неизбежно к этому привела.

Один удар строгому природоверию уже нанесен. Я не возьму его доводом, но все же коротко расскажу о нем. Рань-

ше ученые верили, что мельчайшие частицы материи движутся по строгим законам, то есть – что движение каждой частицы сопряжено со всей системой природы. Кажется, теперь некоторые считают, если я правильно понял их, что это не так. Единица материи (неудобно назвать ее частицей) движется, как ей угодно, то есть сама по себе. Путь ее вычислить нельзя, как нельзя вычислить, какой стороной упадет монета, и закономерности возникают лишь с появлением больших чисел. Если теория эта верна, мы нашли что-то вне природы, и уверенность наша в том, что система природы полна и замкнута, должна пошатнуться. Значит, внеприродное существует, хотя слишком непривычно считать это сверхъестественным, оно ведь как бы ниже природы. Но вся вера в то, что у природы нет дверей, да и открываться им некуда, должна бы исчезнуть. Вне природы – «субприродное», и как раз оттуда питаются все события и тела. Если существует люк вниз, может быть и чердачное окно, а события могут подпитываться и сверху.

Я рассказал об этом учении для порядка и для ясности. Сам я в него не верю. Тем, кто, как я, получил философское, а не естественно-научное образование, почти невозможно поверить, что физики имеют в виду именно это. Мне все кажется, что они хотят сказать другое: движение частицы не можем вычислить *мы* и, с нашей точки зрения, для нас оно незаконно. Если же они хотят сказать, что оно незаконно и само по себе, сторонний человек поневоле подумает о том,

не опровергнут ли это завтра новые достижения науки. Наука тем и хороша, что развивается. Так что я охотно перейду к другой теме.

Все известное нам мы выводим из ощущений. Я не хочу сказать, что мы, как дети, считаем наши ощущения надежным свидетельством и исходя только из них судим о пространстве, материи и других людях. Я имел в виду иное: если мы настолько взрослые, что понимаем самый вопрос и усомнимся в существовании чего-нибудь (скажем, Великой армады или Солнечной системы), мы станем рассуждать, основываясь на ощущениях. Это будет выглядеть примерно так: «Я воспринимаю цвета, звуки, объемы, боль или удовольствие, которые могу лишь не полностью предсказать или подчинить себе. Чем больше я их воспринимаю, тем упорядоченней представляется их поведение. Следовательно, есть что-то вне меня и оно упорядоченно». Внутри этого очень общего утверждения уместятся и частные. Так, мы верим в эволюцию, потому что видим ископаемых или читаем о них. Мы верим в существование собственного мозга, потому что мы (или другие), анатомируя, видели мозг в головах подобных нам существ.

Итак, возможность что-то знать зависит от того, достоверно ли рассуждение. Если уверенность, выражаемая словами «следовательно», или «и потому», или «тем самым», действительно отражает что-то объективное – все в порядке. Но если она существует лишь в нашем сознании – если она

просто показывает, как нам заблагодарассудилось думать, – мы ничего знать не можем. А если человеческое рассуждение не имеет ценности, ни одной науке верить нельзя.

Отсюда следует, что учение, объясняющее все на свете, но не дающее оснований верить в наше мышление, не объясняет ничего. Ведь само оно, в сущности, выработано мыслью, и если мысль ничего не стоит, тогда не стоит и оно. Оно доказало бы, что нет доказательств, а это нелепо.

Строгий материализм опровергает сам себя по причине, о которой давно сказал профессор Холдейн: «Если мои мыслительные процессы полностью обусловлены поведением атомов моего же мозга, у меня нет оснований доверять своим мнениям... и, тем самым, нет оснований считать, что мозг состоит из атомов» («Возможные миры», стр. 209).

Если даже природоверие не совсем материалистично, оно, мне кажется, наталкивается на эту трудность, хотя и не так явно. Оно дискредитирует процесс мышления или хотя бы сводит доверие к нему на такой низкий уровень, что мы уже не можем поддерживать само это учение.

Чтобы это получше доказать, разберем два значения слов «потому что». Мы говорим: «Дедушка болен, *потому что* он вчера объелся». Мы говорим: «Наверное, дедушка болен, *потому что* он еще не выходил из своей комнаты» (а мы знаем, что, когда он здоров, он рано встает). В первом случае «потому что» сообщает о причине и следствии: он заболел из-за еды. Во втором оно обозначает отношение, которое

называют основанием и выводом. Дед не выходил, но это не причина его болезни, а причина того, что мы сочли его больным. Вот еще две фразы: «Он заплакал, *потому что* обиделся» и «Он обиделся, наверное, *потому что* заплакал». Второй вид «потому что» (в виде «поскольку») мы хорошо знаем из математики: « $A = C$, *поскольку*, как мы доказали, оба они равны B ».

Одно «потому что» выражает динамическую связь событий, другое – логические отношения между суждениями.

И вот, ход рассуждения, ищущего истину, заслуживает доверия только в том случае, если он связан с предыдущим отношением второго рода.

Если A не следует логически из B , мы мыслим всуе. Чтобы выводы наши могли считаться истинными, на вопрос «Почему вы так думаете?» нужно ответить фразой, которая начинается со второго «потому что».

С другой стороны, всякое событие в природе должно быть связано с предыдущим отношением первого рода. Однако и акты мысли – события. Тем самым, верный ответ на вопрос «Почему вы так думаете?» должен начинаться с первого «потому что».

Если ваш вывод не вытекает логически из основания, он бессмыслен и может сделаться верным лишь случайно. Если он не имеет причины, его вообще не может быть. И нам кажется, что ход рассуждения имеет хоть какую-то ценность только тогда, когда совпадают оба типа связи.

К несчастью, они не всегда совпадают. Причина – не доказательство; у пустых мечтаний, предрассудков, иллюзий есть причина, а основания нет. Причина так далека от основания, что мы часто противопоставляем их. Само наличие причины считают обычно доводом против, и многие любят обезоружить собеседника, объяснив ему причину его мнений: «Вы так говорите, потому что вы женщина (или «мужчина», или «капиталист», или «ипохондрик» и т. п.)». Тут подразумевается: поскольку причина полностью определяет мнение, то действует она неуклонно и мнение явится независимо от оснований.

Но даже если основания есть, как именно связаны они с тем, что возникло вот это, данное мнение? Психологический акт – это действие, значит – у него есть причина, и она может быть лишь одним звеном в цепи, ведущей назад, к началу начал, и вперед, к концу времен. Неужели такой пустяк, как отсутствие оснований, может предотвратить возникновение той или иной мысли, а наличие оснований – способствовать ему?

Казалось бы, ответ ясен: один мыслительный акт связан с другим или по ассоциации (когда я думаю о морковке, я думаю о первой моей школе), или как основание с выводом. Тогда причина и основание совпадут. На самом деле это не так. Мы знаем из опыта, что мысль совсем не обязательно порождает все или даже некоторые мысли, логически связанные с ней, как вывод с основанием. Хороши бы мы были,

если бы не могли подумать «вот стекло», не сделав из этого всех возможных выводов! Часто мы не делаем ни одного, а все и невозможно сделать. Придется изменить наш закон. Одна мысль становится причиной другой, потому что мы *видим* в ней ее основание.

Если вы не доверяете такой метафоре, подставьте здесь «чувствуем» или просто «знаем». Разница невелика – ведь каждое из этих слов напоминает нам о том, что же такое «мыслить», «думать». Конечно, мыслительный акт – событие, но особенное. Оно всегда «о чем-то», не «о себе», и потому может быть истинным или ложным. Простые же события, «ни о чем», ни ложными, ни истинными не бывают. (Когда говорят: «Факты эти – ложь», имеют в виду, что ложен рассказ о них.) Таким образом, умозаключения можно (и должно) рассматривать двояко. С одной стороны, они – события, вехи чьей-то психологической истории. С другой, они – познание чего-то иного, чем они. Если смотреть с первой точки зрения, можно сказать в прошедшем времени: «*V* следовало в моих мыслях за *A*». Утверждая же свое умозаключение, мы непременно скажем в настоящем: «*V* следует за *A*», ибо если одно следует из другого, то это не зависит от времени. Мы не можем отбросить как иллюзию вторую точку зрения, не обесценив тем самым все человеческое знание. Ведь мы ничего не способны знать, кроме сиюминутных ощущений, если мыслительный акт и впрямь не проникает в реальность.

Однако проникает он лишь на определенных условиях. Акт познания в некотором смысле должен быть обусловлен лишь тем, что уже известно; это и значит «познавать». Если хотите, назовите это первым «потому что» и признайте связь причинно-следственной, хотя и особого рода. Но другого рода нет. Акт познания зависит, конечно, от определенных условий: от внимания, здоровья, воли. Но положительный его вес обусловлен познаваемой истиной. Будь он полностью объясним из условий, он уже не был бы познанием, как звон в ушах теряет связь со «слышаньем», если его можно полностью объяснить субъективными причинами, скажем, простудой, от которой звенит в ушах. Если же акт познания частью объясняется и объективно, познание как таковое мы выносим за скобки, как настоящий звук, когда вы поняли, что звон в ушах вызван не только болезнью. Всякая теория, которая пытается полностью объяснить процесс мышления, исключая все внешнее, утверждает, в сущности, что мы рассуждать не можем.

Но именно это, на мой взгляд, и приходится делать природоверию. Оно как будто бы представляет нам полную картину мышления, но, если приглядеться, в нем нет места тому познанию, тому проникновению в суть, без которого мышление наше не может быть признано средством уяснения истины.

Все согласны, что и разум, и сама жизнь поздно появились в природе. Если, кроме природы, ничего нет, разум в

процессе развития возник из нее. По мнению природоверов, процесс этот не должен был порождать сознание, способное найти истину. Ведь никакого Творца не было; а до того как появились мыслящие существа, не было и лжи или истины. То, что мы сейчас называем разумным мышлением, «разви-лось» путем естественного отбора, постепенным выпалыванием тех, кто меньше способен выжить.

Из этого следует, что некогда наши мысли разумными не были, другими словами – что все они были чисто субъективными и не познавали никакой истины. Если у некоторых и была внешняя причина, то вроде раздражителей, вызывающих боль. Естественный отбор отсеивал вредные ответы и поддерживал полезные для выживания рода. Однако невозможно себе представить, что какие бы то ни было перемены обратили их в акты познания. Связь между ответом и стимулом совершенно иная, чем между значением и истиной. Наше зрение много лучше отвечает на стимул света, чем, скажем, его аналог у низших животных. Без зрения у нас не было бы знания. Но путь знания – опыты и выводы из них; без этого не обойтись, как ни улучшай «ответ». Свет знают лучше всех не те, у кого лучше глаза, а те, кто изучал физику. Точно так же наши психологические ответы – любопытство, отвращение, ожидание, удовольствие – могут сколько угодно улучшаться с биологической точки зрения, оставаясь ответами. Можно себе представить, что именно они, а не разум помогали бы роду выжить. Например, мы бы чувство-

вали удовольствие только от полезного, отвращались бы – от опасного, причем именно в той степени, в какой реальны польза и опасность. Это служило бы нам не хуже разума, а иногда – и лучше.

Кроме отбора, однако, есть и опыт, поначалу – личный, не передаваемый другим через воспитание и традицию. Можно предположить и то, что в ходе тысячелетий он обратил вне-разумное мышление в практику умозаключений. Например, находя огонь (или следы его) там, где был дым, люди стали ждать огня там, где видели дым. Ожидание это, выраженное в форме «нет дыма без огня», т. е. «если есть дым, значит есть огонь», становится так называемым умозаключением. Не так ли произошли и все наши умозаключения?

Если да, то все они неполноценны. Они породят ожидания, и люди будут ждать огня, увидев дым, как ждут они, что всякий лебедь бел (пока не увидят черного) или что вода всегда кипит при 100° (пока не вздумают позавтракать в горах). Однако ожидания эти – не умозаключения и верными быть не обязаны. Не разумное, а животное поведение строится на них. Разум вступает в игру тогда, когда вы говорите: «Хотя *A* и *B* и соседствуют друг с другом, причинно связаны они лишь иногда». Когда вы узнаете как следует, что такое дым, вы сможете построить истинное умозаключение; а до той поры разум должен видеть в ожидании только ожидание, и не больше. Если этого делать не нужно – если умозаключение стоит на аксиоме, – мы не взываем к преж-

нему опыту. Я верю в то, что две величины, равные третьей, равны между собой, не потому, что никогда не видел, чтобы они оказались неравными. Я просто знаю, что так *должно* быть. Многие теперь называют аксиомы ненужными повторениями, но я с этим не согласен. Только эти повторения и ведут нас по дороге знаний. Называя их повторениями, мы просто говорим, что мы твердо и уверенно знаем их. То или иное утверждение будет для нас повтором в той степени, в какой вы его знаете. $9 \times 7 = 63$ – повтор для искушенного в счете взрослого, но не для ребенка, приступающего к таблице умножения, и не для дикаря, складывающего девятку с девяткой семь раз. Если природа полностью взаимосвязана, любое истинное суждение о ней (скажем, «В 1939 году было жаркое лето») будет тавтологией для разума, охватившего ее целиком. Быть может, «Бог есть любовь» тавтология для серафимов, но не для людей.

«Однако, – заметите вы, – мы несомненно достигаем истины путем умозаключений». Конечно. В этом мы с природоверами вполне согласны, иначе мы и спорить не могли бы. Но мы по-разному осмысливаем то, что есть. Для них развитие разума по сути своей связано с его возникновением причинной связью первого типа (причина – следствие). Они говорят о том, как люди научились думать, оставляя без ответа совсем другой вопрос – познают ли они истину. И пытаются показать, как продукт эволюции стал все же средством познания истины.

Однако сама попытка нелепа. Это станет ясно, если мы рассмотрим самый жалкий и отчаянный ее вариант. Природовер скажет: «Ну конечно, мы еще не можем точно понять, как естественный отбор превратил доразумную мозговую деятельность в умозаключения, которые способны постигать истину. Но мы уверены, что это было. Ведь отбор должен предохранять полезное поведение и помогать ему, а наша способность к умозаключению полезна. Если же она полезна, она дает возможность постигать истину». Видите, что он делает? Сама возможность умозаключения еще под вопросом – природовер так говорил о том, что мы считаем умозаключением, как будто они никакой истины не постигают. И он и мы хотим в этом разобраться. И тут он сам строит умозаключение («если полезно, значит, истинно»), словно в его системе умозаключения и не были под вопросом. Но если сама ценность рассуждения сомнительна, нельзя доказывать это рассуждениями. Разум – наша опора, мы на нем стоим и ни нападать на него, ни защищать его не можем. Если мы уравниваем его с прочими явлениями и отступим от него, нам сразу придется идти обратно, к нему, и просить его же о милости.

Можно опуститься и ниже. Можно вообще отказаться от претензий на истину и сказать: «Наш способ мышления полезен», не прибавляя про себя: «А значит – верен». Он полезен, он помогает строить мосты или спутники, и хватит с нас. Незачем требовать большего – помогает, и на том спа-

сибо. Когда мы пользуемся им для насущной пользы, все идет хорошо, а когда мы ударяемся в рассуждения и хотим выработать общий взгляд на «действительность», выходят лишь длинные, скучные и, наверное, пустые споры. Будем же скромнее, не надо нам теологии, онтологии, метафизики...

Но тогда не надо и природоверия. Ведь оно – лучший пример рассуждений, выведенных далеко за пределы опыта. Природу нельзя воспринять ни чувствами, ни воображением. Ее вообще нельзя ухватить; к ней можно лишь приблизиться, да и то не слишком. Подчиняясь своим желаниям, природовер сводит в единую самодовлеющую систему все, что он вывел из наших научных опытов. Мало того, он решается сказать: «Кроме этого, ничего нет», а такое утверждение предельно далеко от какого бы то ни было опыта и не поддается практической проверке. Первый же шаг по такому пути приводит к вопиющей несообразности, к насилию над возможностями опыта и порождает немало химер.

Позиция теиста может показаться такой же страшной химерой. (Нет, не такой же – теист не дерзает что-то полностью отрицать.) Однако он не обязан считать, что разум возник сравнительно недавно в процессе отбора. Для нас разум Божий – старше природы, и ему природа обязана той упорядоченностью, из-за которой мы и можем ее познавать. Для нас человеческий разум, познавая, освещается разумом Божиим. Так освобождается он в должной мере от бремени внеразумных причин; освобождается – и его определяет

познанная истина. Если же этому способствовали какие-нибудь природные причины, значит, так задумал Бог.

Называя сверхъестественным акт познания (не воспоминания, но «видения», что в любом из возможных миров должно быть так, а не иначе), мы несколько насилуем привычное словоупотребление. Но мы ничуть не хотим сказать, что акт этот призрачен, или мистичен, или, если хотите, духовен. Точнее будет другое наше слово – «внеприроден». Мы имеем в виду, что такой, как есть, он не может быть всего лишь функцией сложной и чуждой разуму системы, называемой природой. Он должен быть достаточно свободен от нее, чтобы действительно познавать.

Мы не сможем обойтись без смутного пространственного представления, но надо его прокорректировать. Лучше не представлять, что мышление – над природой, или под ней, или вне ее. Представим, что оно – между нами и природой. Мы строим идею природы путем умозаключений. Разум дан нам раньше природы, и вся наша концепция природы зависит от него. Наши умозаключения предшествуют нашей картине природы, как телефон предшествует голосу. Втиснуть разум в природу нам не удастся. Если мы опишем его как продукт эволюции, мы по молчаливому сговору вынесем за скобки наш разум в момент этого рассуждения. Тот, первый, общий – лишь проявление внеразумной работы огромной самодовлеющей системы; наш, нынешний, обусловлен не внеразумными причинами, а познаваемой истиной. Но мышле-

ние, о котором мы думаем, как и вся наша идея природы, зависит от нынешнего акта мысли, а никак не наоборот. Этот акт – первичная реальность, без нее мы не можем признать реальным все остальное. Если он не втискивается в природу, ничего не поделаешь. Отбросить его мы не можем. Вместе с ним пришлось бы отбросить и ее самое.

IV. Природа и внеприродное

На долгом пути европейской мысли не все, но многие – во всяком случае, многие из тех, кто доказал, что его нужно слушать, – говорили, что природа существует, но не в себе и не сама по себе. Существование ее зависит от чего-то другого.

Р. Г. Коллингвуд. Идея природы, III, 3

Если доводы наши здравы, то мышление особым образом связано со всей системой природы. Так, уразумение машины связано с машиной иначе, чем части самой машины между собой. Уразумение предмета – не часть его. В этом смысле нечто внеприродное вступает в игру всякий раз, когда мы мыслим. Заметьте, я отнюдь не считаю, что все сознание наше непременно такое; страхи, страдания, удовольствия, надежды, мыслительные образы можно рассматривать как часть природы, не доходя до нелепости. Граница проходит не между «материей» и «нематериальным» и не между «телом» и «душой» (все четыре понятия эти непросты), а между природой и разумом; и отсекает она не «меня» от «внешнего мира», а разум от внеразумных явлений, и физических, и душевных.

На границе этой нет покоя, но движение там – одностороннее. Все мы знаем, что разум позволяет и помогает нам изменять ход природы обычной, физической, когда мы стро-

им мосты, и душевной, когда мы доводами обуздываем свои эмоции. Физическая природа поддается нам много чаще и легче, чем душевная, но как-то, немного, мы меняем и ту и эту. Природа же ни в коей мере не может породить разумную мысль; менять ее она может, но в тот же миг эта мысль становится неразумной. Как мы видели, ходу мысли уже нельзя верить, если он полностью сводится к внеразумным причинам. Природа переходит границу, чтобы убить; разум берет пленных и даже возделывает новые земли. Все, что вы видите сейчас – книга, стол, стена, мебель, ваши вымытые руки и подстриженные ногти, – свидетельствует о возделывании природных земель; все было бы иным, не вмешайся разум. И если вы следите за моими доводами так внимательно, как мне бы хотелось, вам помогает разум, обуздавший естественную раздробленность внимания. Если же у вас заболит зуб или страх отвлечет вас – вмешалась природа и, не порождая ничего разумного, по мере сил помешала вам мыслить.

Словом, отношения между разумом и природой несимметричны. Два брата – в симметричных отношениях: если A – брат B , то B – брат A . Отец же и сын – в несимметричных: если A – отец B , то B – не отец A . Так и разум относится к природе иначе, чем природа к разуму.

Я прекрасно понимаю, как мучительно все это для человека, воспитанного в природоверии. Получается, что природа (хотя бы здесь, на земле) – вся в дырках, она как бы перфорирована внеприродным. Прошу вас об одном: не отбра-

сывайте книгу, пока не решите, разум ли ваш содрогается или только чувства и вкус. Я знаю, как глубоко укоренена в нас теперь тяга к единому, демократическому мирозданию; я сам к нему стремлюсь. Но где гарантия, что так оно и есть? Не принимаем ли мы за реальность нашу тягу к порядку и гармонии? Бэкон давно предупреждал, что «человеческий разум в силу своей склонности легко предполагает в вещах больше порядка и единообразия, чем их находит. В то время как многое в природе единично и совершенно не имеет себе подобия, он придумывает параллели, соответствия и отношения, которых нет. Отсюда толки о том, что в небесах все движется по совершенным кругам» («Новый органон» I, 45). Вероятно, он прав. По вине самой науки реальность кажется теперь не такой однородной, как мы думали. Мы больше ждали (и желали) Ньютонова атомизма, чем квантовой физики.

Если вы можете хоть минуту потерпеть эту, новую, картину мира, поведем рассуждение дальше. В каждом человеке есть (сколь угодно малый) участок, внеположный природе или не зависимый от нее. По отношению к природе разум действует и существует сам по себе. Но это не значит, что он *абсолютно* самостоятелен; он может зависеть от чего-то еще. Не зависимость вообще, а лишь зависимость от неразумного подрывает достоверность мысли. Разум одного человека помогает мыслить другому – и не портит его. Мы не знаем, независим ли наш разум или он зависит от друго-

го разума, а тот – от третьего, и так далее. Цепь эта может быть сколь угодно длинной, но крикнуть «стоп!» мы должны в том случае, если наткнемся на неразумное, – иначе мы не вправе верить мысли. Таким образом, рано или поздно мы дойдем до совершенно самостоятельного разума. Вопрос в том, можем ли мы сами им быть.

Вопрос этот сам на себя ответит, если мы только вспомним, что такое самостоятельное существование. Именно его природовер и приписывает природе, а противник природовера – Богу. Так, существующее само по себе должно существовать извечно – ведь если бы что-то побудило его к бытию, оно потеряло бы свое основное качество. Кроме того, оно должно существовать непрерывно – ведь, прервавшись, оно не могло бы восстановить себя. Мой же разум рос с годами и прерывается во сне. Тем самым, я не могу быть вечным и непрестанным Разумом. Однако никакая мысль не имеет ценности, если такого рода разума нет на свете, ибо лишь он может стать источником моего несовершенного разумения. Следовательно, наш разум – не единственная внеприродная реальность. Он не приходит ниоткуда. Каждый отдельный разум входит в природу из внеприродного; и каждый уходит корнем в вечное, самостоятельное, разумное Бытие, которое мы зовем Богом. Каждый – как острие копья, как передовой отряд внеприродного в природном.

Многие спросят: не проще ли сказать, что вечный разум иногда действует через меня, а я сам – чисто природное су-

щество? Провод – всего лишь провод, когда по нему идет ток. Но вы забыли, что такое мышление. Это не предмет и не ощущение. Оно не «случается с нами» – мы *действуем*, мы производим мысли. Обычное учение о том, что я – творение, которому Бог даровал разум, представляется мне куда более мудрым, чем представление о том, что Бог мыслит через нас. Если придерживаться последнего мнения, мы не поймем, как можно, например, сделать ложный вывод. Нелегко и объяснить, зачем Богу внушать мне, что разум – мой. Вероятнее, что разум человеческий богоподобен.

Спешу напомнить, что книга эта – не обо всем на свете, а о чудесах. Я не предлагаю учения о человеке³ и ни в какой мере не пытаюсь доказать бессмертие души. Самые ранние христианские авторы мимоходом соглашались с тем, что внеприродная часть человека переживает смерть природного организма; но это мало их волнует. Их очень сильно занимает восстановление или, как они говорят, «воскресение» всего человека в целом, происходящее чудом, по Божьей воле, а пока мы не решим, бывают ли чудеса, нам лучше этого не обсуждать. Пока что внеприродное, сверхъестественное в человеке интересует нас как свидетельство о внеприродном в мироздании и никак не связано ни с судьбой, ни с ценностью людей. Сам человек важен нам сейчас лишь потому, что его разум – окно в природу, куда проникает что-то внеположное ей.

³ См. Первое приложение.

Представьте себе, что в пруду, покрытом сплошную ряской, есть и водяные лилии. Можно заинтересоваться ими, потому что они красивы; можно и подумать, нет ли у них стеблей и не в дно ли уходят корни. Природовер полагает, что пруд (природа) бездонен – как глубоко ни ищи, всюду одна вода. Я же хочу сказать, что кое-что на поверхности (т. е. в нашем опыте) говорит о другом. Если разобраться, оказывается, что лилии эти по меньшей мере не плавают, а растут откуда-то. Значит, у пруда есть дно. Углубись подальше, и ты найдешь уже не воду, не пруд, а почву, потом – камень и, наконец, огонь в недрах Земли.

Но и на этом этапе можно спасти природоверие. Я говорил во второй главе, что природовер примет здешнего, имманентного бога. Быть может, сейчас он подошел бы и нам? Нужен ли нам Бог тамошний, сверхъестественный, внеположный нашей системе? (Заметьте, читатель, насколько вам станет легче. Именно этот, тамошний, Бог кажется вам примитивным, и нелепым, и отталкивающим. Как вы увидите позже, в этом-то и дело.)

Боюсь, что успокоились вы рано. Универсальное сознание, возникшее в результате особого соотношения атомов, конечно, могло бы мыслить и внушать нам мысли. Но, к несчастью, мысли его были бы плодом неразумных причин; и само по себе оно было бы, как и наш разум, частью природы. Так что наше затруднение осталось бы в силе. Оно исчезнет, если мы примем вечное, изначальное, самодовлею-

щее универсальное сознание. Но это и есть трансцендентный, сверхъестественный Бог.

Итак, есть Бог, внеположный природе. Но мы еще не знаем, создал ли Он ее. Быть может, оба они – «сами по себе», независимы друг от друга? Если вы придерживаетесь этого взгляда, вы – дуалист, что, по-моему, разумней и достойней природоверия. Есть многое похуже дуализма; но и дуализм – не выход. Немыслимо трудно вообразить две вещи, просто сосуществующие. Мы не всегда замечаем это, потому что мыслим картинками и нам кажется, что они пребывают бок о бок в каком-то пространстве. Но если бы они были в одном пространстве, или одном времени, или в какой-нибудь общей среде, их можно было бы признать элементами одной системы, то есть некой «природы». Даже изгони мы из сознания все образы, само сознание будет этой общей средой. Чистого сосуществования разум не вмещает. А сейчас нам это и не нужно, ибо мы знаем, что именно разум – место встречи Бога и природы.

Дела на этой границе очень сложны. Лазутчик внеприродного, разум, так прочно связан с природными чувствами и ощущениями, что мы называем все это вместе одним словом «я». Кроме того, как мы уже знаем, отношения несимметричны: когда природные состояния мозга возобладают над разумом, они порождают лишь хаос; когда же главенствует разум, ни мозг, ни ощущения, ни чувства не перестают быть собой. Разум спасает и укрепляет и психику, и физиологию;

они же, противоборствуя ему, губят и разум, и себя. Образ копья неверен, разум не оружие; скорее, он – луч, освещающий тьму. Разум – не захватчик, вторгшийся в чужую землю, а король, посещающий подданных. Подданные могут и взбунтоваться, но, когда мы видим их в согласии, мы невольно чувствуем, что повиновение куда больше присуще им, словно они и созданы для этой роли.

Нелепо полагать, что природа породила не только Бога, но и наш разум. Невозможно представить себе природу и Бога просто сосуществующими – первая же попытка отсекает саму возможность мышления. В дуализме есть богословская притягательность, он сильно все облегчил бы, но обещаний своих он не выполнит; а проблему зла, мне кажется, можно решить и лучше. Остается предположить, что Бог сотворил природу. Здесь не возникает ни одного из разбиравшихся выше противоречий. Только этот взгляд и сообразен с тем, что природа не столько разумна, сколько умопостигаема – любые события во времени и пространстве поддаются разуму. Даже акт творения не предъявляет нам неразрешимых трудностей, в нашем сознании тоже есть что-то отдаленно похожее: мы сами воображаем, вызываем к жизни картины, предметы, характеры и события. Конечно, разница есть; во-первых, мы только пересоставляем уже существующее (никому не выдумать, скажем, четвертого основного цвета или шестого чувства); во-вторых, вся новая реальность – в нашем сознании, и мы лишь неточно и неполно передаем ее

другим. Бог же творит все новое и создает действительное. Он породил не новый цвет, а цвет вообще; не шестое чувство, а сами чувства, и время, и пространство, и все на свете. Такое предположение принять, по-моему, нетрудно. Во всяком случае – легче, чем мысль о том, что Бог и природа никак не связаны, и уж намного легче, чем мысль о том, что природа порождает достойные доверия мысли.

Строго доказать сотворение природы труднее, чем бытие Бога. Но оно очень и очень вероятно. Редко встретишь человека, который поверил во внеположного природе Бога, а в это не верит. Ни одна философская теория не улучшила в чем-нибудь важном первых слов Книги Бытия: «В начале сотворил Бог небо и землю». Я говорю «в чем-нибудь важном» потому, что эта книга, как давно заметил Иероним, написана в духе «народного певца», т. е. на нашем языке, в фольклорном духе. Но если мы сравним с ней другие легенды о сотворении мира – все эти дивные нелепицы, где режут на части гигантов и сушат реки еще *до* сотворения, глубина и неповторимость иудейского сказания откроются нам. Только в нем отразилась идея *творения* в строгом смысле слова.

V. Другая сложность природоверия

Далее такой строгий детерминист, как Маркс, иногда описывавший социальное поведение буржуазии, словно речь идет о фишке, вдруг выражал глубокое презрение, которое может оправдать только вера в нравственную ответственность.

Р. Нибур. Истолкование христианской этики, гл. 3.

Те, кому логичное мышление представляется самым сухим из наших проявлений, огорчатся, что я отвожу ему столь привилегированное место. Но мне пришлось основывать на нем свои доводы, так как из всех возможных претензий нашей внутренней жизни только мысль об особой ценности разума природовер не в состоянии оспорить, не перерезав самому себе горло. Вы можете, если хотите, считать все идеалы иллюзией, а любовь – отходами биологии, не противореча себе и не впадая в нелепость. (Правда, возникает картина мира, в которую, быть может, никто и не верит, но это другое дело.) А доказать, что нет доказательств, – невозможно.

Мы не только размышляем о предметах; мы произносим нравственные суждения: «это хорошо», «это плохо», «я должен», «этого делать нельзя». На такие суждения существуют два взгляда. Одни считают, что здесь мы применяем какую-то особую силу; другие – что это все тот же разум. Я при-

держиваюсь второй точки зрения, то есть верю, что основные нравственные принципы, от которых зависят все другие, постигаются разумом. Мы «просто видим», что нет оснований приносить счастье ближнего в жертву нашему счастью, точно так же мы видим, что две величины, равные третьей, равны между собой. Ни ту ни другую аксиому мы доказать не можем не потому, что они неразумны, а потому, что они самоочевидны и все доказательства зависят от них. Их внутренняя разумность сияет собственным светом. Именно потому, что нравственность стоит на таких самоочевидных основах, мы, призывая человека к добродетели, говорим ему: «Одумайся».

Но все это так, к слову; речь пойдет о другом. Сейчас нам не важно, какой из двух взглядов верен. Важно, что нравственные суждения ставят природовера в такой же тупик, как и все другие. Споря о нравственности, мы, как и во всяком споре, считаем доводы обесцененными, если они обусловлены вненравственными или внеразумными причинами. Мы часто слышим: «Он верит в святость собственности, потому что он миллионер», «Он пацифист, потому что он трусит», «Он за телесные наказания, потому что он садист». Часто эти подозрения неверны, но нам важно лишь то, что одна сторона выдвигает их, другая – яростно опровергает; обе считают, что они свели бы спор на нет. В действительной нашей жизни никто не придаст ни малейшей ценности нравственному суждению, если будет доказано, что оно обу-

словлено неморальным фактором. Именно на этом основании и фрейдисты, и марксисты с таким успехом нападают на общепринятую мораль.

То, что обесценивает частное суждение, должно обесценивать и всякое нравственное суждение вообще. Если идеи должного и недолжного объяснить внеразумными и вненравственными причинами, то идеи эти – иллюзия. Природовер охотно объяснит, как она возникла. Некие химические процессы породили жизнь. Жизнь под давлением естественного отбора породила сознание. Наделенные сознанием организмы, ведущие себя определенным образом, живут дольше прочих. Наследственность, а иногда и воспитание передают потомкам их навыки. В каждом виде создается своя модель поведения. У людей сознательное обучение играет большую роль; кроме того, племя укрепляется, убивая непокорных. Наконец, оно измышляет богов, наказывающих за непослушание. Со временем закрепляется сильный импульс, который велит подчинять свое поведение чужим интересам. Но он приходит в столкновение с другими импульсами, и возникает нравственный конфликт: «Я хочу сделать *A*, но должен сделать *B*».

Все это может (или не может) объяснить, почему люди делают нравственные суждения; но это никак не объясняет, как же люди могут быть правы. Если верна точка зрения природоверов, «я должен» – то же самое, что «я икаю» или «меня тошнит». В жизни, когда скажут «я должен», мы говорим

«ты прав» или «ты ошибся». В мире же природоверов (если они и впрямь выносят свою философию за пределы книг) отвечать надо: «Вот как?» Ведь нравственные суждения свидетельствуют лишь о чувствах судящего.

Внутреннего противоречия в этом нет. Природовер может, если захочет, стоять на своем. «Да, – скажет он, – нет правоты и неправоты. Ни одно нравственное суждение не бывает верным или неверным, и, тем самым, все нравственные системы равноценны. Все идеи о добре и зле – чистые галлюцинации, тени органических импульсов, над которыми мы до сих пор не властны». Многие природоверы так и говорят с немалым удовольствием.

Но тогда они обязаны стоять до конца. К счастью, этого почти никогда не бывает. Признав и добро и зло иллюзиями, они немедленно вслед за этим призывают нас жертвовать собой ради будущего, учить, восставать, преобразовать, жить и гибнуть во имя рода человеческого. Именно это всю свою долгую жизнь и делал природовер Уэллс. Не правда ли, странно? Как все книги о спиральных туманностях, атомах и пещерных людях создают впечатление, что природоверы знают что-то важное, так и наставления их наводят на мысль, что они верят в какую-то идею добра – скажем, свою – и считают ее лучше других. Иначе зачем негодовать и обличать зло? Ведь для них, казалось бы, все это вроде вкуса к пиву: я люблю слабое, а многие предпочитают портер. Если мнения Уэллса и, предположим, Франко – лишь импульсы, на-

вязанные им природой, спора и гнева быть не может. Помнят ли природоверы, призывая нас к лучшей жизни, что даже слово «лучший» не значит ничего, если нет мерил добра?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.